ОТЦОВСКІЙ СУДЪ.

Въ Новгородскомъ мятежѣ поселенныхъ войскъ, племянникъ стоялъ въ строю съ ружьемъ противу толпы, которую волновалъ родной дядя его, рыжій, огромный мужичина; онъ метался звѣремъ во всѣ стороны, кричалъ и вызывалъ всѣхъ за собой. Племянникъ былъ молодой солдатъ, изъ кантонистовъ; дядя увидѣлъ его и сталъ бранить, поносить и проклинать, перезывая къ бунтовщикамъ. Племянникъ отвѣчалъ ему: — я Царю служу, по вѣрѣ и присягѣ; переходите вы къ намъ, а не то, не подходи, не мечись на меня, убью? — «Что? сказалъ дядя, который столько разъ диралъ племянника за уши и не слыхивалъ отъ него такихъ рѣчей: — что? ты еще посмѣлъ мнѣ это сказать?... Ахъ ты щенокъ!... Подико сюда!» — и пошелъ прямо на него съ дубиной. — Дядя, не ходи, убью! закричалъ племянникъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ приложился; а когда разсвирѣпѣвшій дядя разбойникъ

кинулся на него, то онъ положилъ его на мѣстѣ.

У насъ было такое дѣло, сказалъ олонецкій каменотесецъ: — не далече отъ нашей деревни, и было между отцомъ и сыномъ; что–жь, и Богъ и Царь простили старика и міръ оправдался.

Мужика этого звали Сидоромъ Ивановымъ, а у него было четверо сыновей. Второй сынъ его, Иванъ, съ малыхъ лѣтъ отъ рукъ отбился. Бывало, какая бѣда ни случится на деревнѣ, то ужь и знали, что это Сидоровъ Ванька. Парню всего годовъ восемь было, когда ни собакѣ, ни поросенку, ни овцѣ, ни птицѣ отъ него проходу не стало: камнемъ — такъ камнемъ, дубиной — такъ дубиной, по чемъ ни попало, такъ и душитъ! Раза два было его собака загрызла, на силу люди отняли; сѣкли его за это, что Божій день; отецъ бѣдный не наплачется, бывало, и не наплатится; нѣтъ, всё неймется. Послѣ выдумалъ онъ еще иное: настрогалъ мелкихъ деревянныхъ булавокъ, да гдѣ ни поймаетъ птицу, либо скотину мелкую, хоть

свою, хоть чужую, то въ нее и воткнетъ; та хилѣетъ день, другой, и сгинетъ. Люди горюютъ, что какая де чума напала на всякую живность — да ужъ насилу догадались и подстерегли Сидорова Ваньку. Не сходило ему все это съ рукъ: что объ него вицъ обломали, такъ счету нѣтъ; и запиралъ его отецъ, держалъ въ подклѣти одного, по цѣлымъ недѣлямъ, а какъ выпустили, такъ опять пошелъ проказить.

Когда Ванька поумнѣть не поумнѣлъ, а вошелъ во всѣ года, выросъ, такъ не стало житья отъ него никому; всѣ его боялись. Не пройдетъ онъ бывало мимо, кого по силамъ встрѣтитъ, чтобъ не затронуть; а мужъ, либо братъ, либо кто другой вступается, такъ онъ и на драку готовъ и пожалуй на ножъ полѣзетъ. Не было на деревнѣ ни парня, ни мужа, ни бабы, чтобъ Ванька имъ не далъ какого прозвища: тотъ у него сапатый, тотъ костыль, тотъ мокруха; одного дядю своего сверчкомъ прозвалъ, другаго моржемъ; на кого за что осерчаетъ, такъ ужъ ночи спать не будетъ, а гдѣ нибудь подстережетъ его, да изъ за угла

голову раскроитъ; а какъ разъ мужикъ поймалъ его у себя на воровствѣсъ съ поличнымъ, да свелъ къ отцу, да послѣ міромъ высѣкли его порядкомъ, — такъ онъ ночью перескочилъ во дворъ къ этому крестьянину, да скотину у него хуже волка перепортилъ: пересѣкъ у двухъ коровъ топоромъ поджилки; такъ и пропали, скорѣй зарѣзали.

Терпѣлъ міръ долго, жалѣючи отца иванова, старика Сидора, да ужъ не стало мочи, ни терпѣнья; стали говорить, что такъ ли, сякъ ли, а сбыть его надо. Посадили въ колодку, поклонились начальству, да мірскимъ приговоромъ и сдали его въ солдаты: тогда только и отдохнули.

Прошло года съ полтора, какъ вдругъ у одного мужика, который въ тѣ поры больше всѣхъ стоялъ на томъ передъ міромъ, чтобъ сдать Ваньку въ солдаты, ночью загорѣлось на задахъ. Погорѣлъ мужикъ, да съ нимъ еще и сосѣдъ одинъ, и никто не могъ придумать, отчего могло загорѣться въ нежилой клѣти; всю ночь народъ остался на ногахъ, никто не спитъ — тутъ и прошла

молва, что кто–то видѣлъ на пожарѣ Ваньку. Кто видѣлъ, гдѣ видѣлъ? допытываться — нашли человѣка, что говоритъ: видѣлъ. Испугались мужики на смерть; благодарятъ старика Сидора за такого сына — а старикъ чѣмъ виноватъ?... и самъ бывало ину пору чуть отъ него не удавится. Прошло два дня, пастухъ приходитъ вечеромъ, да и говоритъ, что выходилъ къ нему изъ лѣсу Ванька, взялъ у него хлѣба, да наказывалъ принести еще. «Коли принесешь, не трону тебя, небось; а не принесешь, такъ убью! А на деревнѣ, говоритъ, скажи, чтобъ не трогали меня и не искали, сожгу всѣхъ! Пусть всякъ себя знаетъ; пусть высылаютъ мнѣ только хлѣба съ тобой, да незамаютъ меня, и я ихъ не трону.»

Комужь не страшна такая угроза? Перекрестились мужики, чтобъ Господь ихъ помиловалъ, поплакались на это наказанiе, и стали высылать Ванькѣ хлѣба съ пастухомъ. Такъ Ванька себѣ и жилъ, и не трогалъ на деревнѣ никого; да прослышалъ объ немъ исправникъ, разспросилъ обо

всемъ, какъ и что было, собралъ народу, да и посадилъ засаду около того мѣста, гдѣ указалъ пастухъ. Ванька вышелъ за хлѣбомъ, оглянулся, осмотрѣлся, никого не видать; подошелъ, да сталъ говорить съ пастухомъ — а тутъ съ двухъ сторонъ выскочили на него и окружили. Чтожь, кабы не самъ исправникъ, такъ не знаю, какъ бы и сладили: у Ваньки ножъ въ рукахъ и дрягалка; «первый, кто подойдетъ, говоритъ, того и уложу на покой, а тамъ берите!» На силу одинъ молодецъ справился, ошеломилъ его дубиной по затылку.

Сдали Ваньку, и перевели духъ; все стало опять смирно, спокойно — да только не надолго. Прошелъ Ванька по зеленой улицѣ и опять отданъ на свое мѣсто, въ солдаты, и опять бѣжалъ. Какъ прошла эта молва — и Богъ вѣсть откуда она взялась — что Ванька–де опять тутъ, то вся деревня такъ вотъ волкомъ и взвыла. Не прошло трехъ дней, какъ сгорѣлъ тотъ мужикъ, который перелобанилъ Ваньку, когда его ловили; а пастухъ отказался выгонять

стадо; послали съ нимъ еще двоихъ, съ добрыми дрягалками, да и то со страхомъ Божіимъ пасли стадо и не смѣли уснуть, чтобъ не набѣжалъ окаянный, на сонныхъ. Такъ ходили они цѣлую недѣлю, самъ третей, да отдыхали на открытомъ мѣстѣ, и то посмѣнно.

Немного походя, еще поджогъ Ванька старосту, да спасибо скоро захватили, погасили. Такой страхъ нагналъ на всю деревню, рады бы вотъ просто взмолиться ему, всѣ, только–бъ знать, гдѣ его найти. Распустивъ стадо въ лѣсу, пастухи разошлись врознь, искать корову: глядь, одинъ изъ нихъ и сталъ носомъ къ носу съ Ванькой. Пастухъ такъ и опѣшилъ — снялъ шляпу и стоитъ. «Небось, сказалъ ему Ванька, я тебя не трону. Дай хлѣба!» Тотъ отдалъ весь, что было. — Послушай, сказалъ Ванька, чай вамъ надоѣло это, да и мнѣ признаться надокучило; несподручно вамъ со мной воевать. Скажи-жь ты своимъ старикамъ и скажи всѣмъ, коли хотятъ мириться со мной, такъ мириться, да чуръ безъ обману: пусть ловятъ, я прятаться не

стану, да ужъ за то, какъ ворочусь въ третій разъ, такъ узнаютъ они Сидорова Ивана. Не троньте вы меня — и я васъ не трону; а только затронь кто нибудь — выжгу всѣхъ до единаго и перерѣжу, вотъ-те крестъ!

Съ этой поры Иванъ жилъ подъ своей деревней, какъ у Христа за-пазухой; не то чтобы ловить его, и подумать никто не смѣлъ, а еще бывало даютъ ему знать, коли выѣдетъ исправникъ. Этотъ бился, бился, ничего не сдѣлаетъ; соберется народъ, пройдетъ по лѣсу — найдутъ, не найдутъ, все одно; а Иванъ тутъ же, равно заговоренный, между понятыми пройдетъ себѣ, будто по улицѣ прохаживается, только поздороваются съ нимъ, и никто ни слова больше. Хлѣба ему надо — вынесутъ; по ночамъ смѣло приходилъ и въ деревню, подойдетъ къ любой избѣ, стукнетъ въ окно, ему и подадутъ всего, накормятъ и напоятъ, только поди съ Богомъ, — никого не обижай. Между тѣмъ сталъ онъ грабить по дорогамъ; всѣ знаютъ, что это Иванъ, а

никого нѣтъ такого, чтобъ къ нему приступить.

Между тѣмъ бѣдному Сидору, отцу Ивана, не было житья отъ проклятій. «Ты де породилъ, тебѣ бы и держать его въ рукахъ; а не училъ, пока поперегъ лавочки лежалъ, такъ ужь когда во всю вытянулся, не научишь!» Наѣхалъ опять исправникъ, потому что Иванъ купца проѣзжаго зарѣзалъ, да отъ начальства пошли строгія приказанія, чтобъ хоть живаго, хоть мертваго добыть его; созвалъ стариковъ, толковалъ, толковалъ, ничего не сдѣлалъ. — «Власть ваша, говорятъ, коли вы насъ карать станете, такъ вѣстимо, ваше дѣло правое; да и наше такоежь. Намъ послѣ отъ него не въ лѣсъ уйти, съ домами да съ дѣтьми, а мы у него въ рукахъ завсегда. Два раза мы вамъ сдавали его на руки; два раза его опять на насъ выпускали; теперь боимся. Коли Государь прикажетъ порѣшить его тутъ же, подвѣсить его на осинѣ, такъ мы его найдемъ; а нѣтъ, такъ дѣлайте что угодно.»

Тогда исправникъ позвалъ отца Ивана и сталъ говорить съ нимъ глазъ на глазъ. «Какъ хочешь, говоритъ, а некому за это дѣло взяться, кромѣ тебя. На роднаго отца онъ руки не подниметъ; ты впередъ, другіе пойдутъ за тобой; долго ли еще этому грѣху быть?»

Старикъ Сидоръ подумалъ, покачалъ головой и прошибла его слеза. — Не пожалѣетъ онъ, сударь, отца, сказалъ старикъ, коли дѣло на то пойдетъ — не таковъ человѣкъ, я его знаю. Ну, да ужь что будетъ, то будетъ; молчите, не сказывайте никому ничего.

На лѣтняго Ивана, рано утромъ Ванька подкрался къ деревнѣ, осмотрѣлся и подошелъ прямо къ отцовской избѣ. Стукнувъ въ оконце, онъ опять отошелъ и оглядывается во всѣ четыре стороны. Отецъ взглянулъ, такъ у него ровно сердце чѣмъ поворотило.

— Что скажешь?

— Да когда то я въ этотъ день былъ имянинникъ, молвилъ Иванъ, а самъ тяжело вздохнулъ: — такъ я и пришелъ,

что–то больно взгрустнулось мнѣ, я и подумалъ: пойду къ отцу, не накормитъ ли для праздника…

— Поди, сказалъ отецъ, садись, да поѣшь.

— Я въ избу не пойду, сказалъ Иванъ: — волку тамъ не мѣсто. Коли будетъ твоя милость, такъ вынеси на зады, я тамъ прилягу на лужайкѣ, подъ заборомъ.

Отецъ вынесъ ему на лужокъ вина и пирогъ; а Иванъ, невѣря и родному отцу, стоялъ поодаль, поблагодарилъ, да и говоритъ: поставь тутъ, батюшка, а самъ ступай съ Богомъ въ избу: да гляди, чтобъ никто ко мнѣ не выходилъ. — Какъ отецъ ушелъ, такъ тотъ сѣлъ и принялся ѣсть.

Сидоръ пришелъ въ избу, сталъ противъ ружья своего, которое висѣсло на стѣнѣ — а старикъ Сидоръ былъ охотникъ — и долго на него глядѣлъ; потомъ перекрестился, снялъ ружье, взялъ его подъ полу, вышелъ въ заднія ворота на лужайку, и прямо пошелъ на сына. Увидѣлъ ли, нѣтъ ли этотъ ружье у отца, только что ѣсть пересталъ, сидитъ смирно и глядитъ прямо на него;

отецъ подошелъ, выстрѣлилъ въ упоръ, положилъ его на мѣстѣ.

Сдѣлавъ это, старикъ закинулъ ружье въ озеро, пошелъ объявилъ обо всемъ начальству и приказалъ старостѣ посадить себя подъ караулъ. Судъ оправдалъ Сидора, а міръ въ голосъ сказалъ, что принимаетъ и грѣхъ и отвѣтъ на себя.